

П. Е. Фокин

ЖЕСТ МОЛЧАНИЯ В ПОЭМЕ ИВАНА КАРАМАЗОВА «ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР»

Вот уже почти сто двадцать пять лет не оставляет читателей в покое поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Гениальное сочинение Достоевского по-прежнему таит в себе множество загадок, несмотря на то что к его осмыслению и интерпретации в течение всего XX века обращались выдающиеся представители отечественной и зарубежной гуманитарной мысли — литературные критики, филологи, писатели, философы, богословы. Огромная библиография вопроса не исчерпывает тайны этого удивительного произведения. И слава Богу!

Поэма есть плод интеллектуальных экспериментов Ивана Карамазова. В то же время она — результат встречи двух братьев. По счастливому выражению Л. И. Сараскиной, она представляет собой «импровизацию на заданную тему»¹ и не состоялась бы без активного участия Алеши. Он — главный адресат Поэмы и ее «соавтор». «Великий инквизитор» представляет собой одновременно литературную исповедь Ивана и духовную провокацию. Но Поэма не состоялась бы и без противоречивых впечатлений Ивана от общения с отцом, с одной стороны, и старцем Зосимой, с другой. Она продолжает кощунственную эскападу старика и полемически заострена против старца. Но не было бы Поэмы и без Смердякова. Именно он направил Алешу в трактир «Столичный город» и все то время, пока Иван развивал перед братом отравляющую казуистику великого инквизитора, сидел у него в душе. А ведь Алеша искал иной встречи, он хотел найти Митю, чтобы предупредить надвигающуюся беду, но после речей Ивана напрочь забыл о своей миссии. Поэма оказывается напрямую связанной с убийством Федора Павловича и судьбой Мити. К ней сходятся все сюжетные и метафизические нити «Братьев Карамазовых». Поэма — сердце романа, то самое «поле битвы», где «дьявол с Богом борется».

Как художественное целое Поэма имеет сверхсложную организацию. Она подобна живому организму, состоящему из множества взаимосвязанных друг с другом систем жизнеобеспечения. При этом она сама является частью еще более сложного художественного тела романа. Ни поэма без романа, ни роман без поэмы не могут полноценно существовать и, тем более, не могут быть адекватно прочтены и осмыслены. Обращаясь к анализу какого-либо элемента поэмы, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью выявлять его содержательную и эстетическую связь со всем

¹ Сараскина Л. И. Поэма о Великом инквизиторе как философско-литературная импровизация на заданную тему // Достоевский в конце XX века. Сб. статей. М.: Классика плюс, 1996. С. 270–288.

многообразием романного действия «Братьев Карамазовых». «Жест молчания», который использует Достоевский при создании образа Христа в поэме Ивана, также многозначен и вступает во взаимодействие с разными семантическими пластами романа.

Молчание Христа — один из ключевых идейно-структурных элементов Поэмы.^{*} На этом акцентирует внимание сам Достоевский. Собственно, монолог великого инквизитора начинается с рефлексии на эту тему. «Не отвечай, молчи, — приказывает он Пленнику. — Да и что бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавить к тому, что уже сказано Тобой прежде» (14; 228). Иван комментирует эту ситуацию в свете критики католичества: «все, дескать, передано Тобою Папе и все, стало быть, теперь у Папы, а Ты хоть и не приходи теперь вовсе, не мешай до времени по крайней мере» (14; 228), но тут же устами инквизитора значительно углубляет проблему: «Имеешь ли Ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого Ты пришел? — спрашивает его мой старик и сам отвечает Ему за Него, — нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты так стоял, когда был на земле. Все, что Ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад» (14; 228–229). И Пленник в течение всего монолога инквизитора молчит. В финале Поэмы вновь акцентируется тема молчания: «Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что пленник его ему ответит. Ему тяжело его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное» (14; 239). Ответом стал безмолвный поцелуй в «девяностолетние уста» инквизитора.

К интерпретации этого сюжетного обстоятельства неоднократно подступали исследователи. На сегодняшний день существует целый спектр трактовок и мнений. С академической обстоятельностью они представлены в работе В. Казака «Образ Христа в „Великом инквизиторе“ Достоевского»². Казак, в свою очередь, ссылается на обзор точек зрения, составленный Людольфом Мюллером, авторитетным немецким исследователем и комментатором Поэмы.

Так, существует позиция богословского оправдания молчания Христа в Поэме Ивана. «Очень значительно и верно по евангельской историософии то, что Христос в поэме не говорит ничего. Он только приходит и уходит», — замечает преподобный Иустин³. К. Мочульский считал, что Пленник молчит, так как «Ему не надо оправдываться: доводы врага опро-

^{*} См. также главку «Метафизика молчания» в статье К. Г. Исупова «Метафизика общения в мире Достоевского» (Наст. изд. С. 19–40). — *Ред.*

² Казак, *Вольфганг*. Образ Христа в «Великом инквизиторе» Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 1995. № 5. С. 44.

³ *Преп. Иустин (Попович)*. Достоевский о Европе и славянстве. СПб., 1998. С. 53.

вергнуты одним присутствием Того, Кто есть „Путь, Истина и Жизнь“»⁴. Сходную точку зрения занимает Л. Мюллер, который видит здесь указание Достоевского на то, что «Христос не столько говорит слово Божие (это могут и пророки, и апостолы, и проповедники, и богословы, и философы, да и сами писатели и поэты), сколько Он Сам — это Слово»⁵. С таким взглядом согласен и Казак: «Стоящее в начале Евангелия от Иоанна слово „Логос“ тоже ведь подразумевает не звучащее, привязанное к отдельному языку слово»⁶ — и делает очень важное дополнение: «Во время своего пришествия или в форме видения Христос может нам, людям, что-то сказать, что-то добавить к дошедшему библейскому тексту, но мы, люди, не можем добавить ничего, мы не можем выдумать Христовых слов. В романе Достоевского мы встречаемся не с Христом, а с литературным образом Христа, и последний, если он хочет остаться в рамках достоверного, не может добавить ни единого слова к словам Нового Завета. Если что-либо добавлено, то это не от Христа, а от писателя. Даже в том случае, если бы слова производили впечатление полного согласия с духом дошедших через Новый Завет слов Христа, оставалось бы сомнение»⁷.

Л. Мюллер предполагает также, что «за безмолвием Христа стоит и некоторое недоверие, которое Достоевский, писатель с могучей силой слова, испытывает по отношению к слову. Слово, прежде всего и чаще всего, — это средство людей найти свое место в этом мире и самоутвердиться, это орудие евклидова ума. То, что говорит Великий Инквизитор, на уровне евклидова ума трудно опровергнуть»⁸.

Бердяев истолковывал это обстоятельство с позиций философии свободы: «Положительная религиозная идея не находит себе выражения в слове. Истина о свободе неизреченна. Выразима легко лишь идея о принуждении. Истина о свободе раскрывается лишь по противоположности идеям Великого Инквизитора, она ярко светит через возражения против нее Великого Инквизитора»⁹.

Существуют и некоторые другие точки зрения, которые на сегодняшний день представляются очевидно ошибочными, и мы не будем на них останавливаться¹⁰. Что же касается высказываний, приведенных выше, то, принимая их правоту и в целом с ними соглашаясь, нельзя не отметить их некоторой одномерности, привязанности лишь к какой-то одной стороне идейно-эстетического содержания Поэмы.

Попробуем взглянуть на проблему «молчания Христа» в контексте многоуровневой системы субъектной организации речи в романе. Прежде всего, следует определиться с теми содержательными пластами, в простран-

⁴ Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 534.

⁵ Мюллер, Людольф. «Легенда о великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского / Пер. с нем. Шабалиной // Достоевскиймо. Сб. статей. Калининград, 1995. С. 44.

⁶ Казак, Вольфганг. Указ. соч. С. 44.

⁷ Там же. С. 44–45.

⁸ Мюллер, Людольф. Указ. соч. С. 45.

⁹ Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж: YMCA-Press, 1997. Т. 5. С. 347–348.

¹⁰ См.: Казак, Вольфганг. Указ. соч. С. 44.

стве которых функционирует Поэма. Здесь есть несколько взаимосвязанных структурных комплексов. Во-первых, это все те аспекты, которые связаны с Иваном как героем-идеологом и формальным автором Поэмы, затем — метафизическая данность Поэмы, основанная на вечной и неутихающей борьбе зла против Христовой Истины, и, конечно, «через большое горнило сомнений» прошедшая «Осанна» Достоевского.

В духовной драме Ивана «молчание Христа» играет экзистенциальную роль. Как мы знаем с его собственных слов, свою Поэму он сочинил примерно за год до встречи с Алешей. Сочинил в форме монолога Великого инквизитора перед Христом. Что побудило его к творчеству? Почему аргументы, вложенные Иваном в уста своего героя, не остались в форме тезисов какой-нибудь публицистической статьи, а потребовали создания именно художественного образа? Очевидно, что атеист, а Иван — атеист, не может существовать без Бога. Кого же ему отрицать, с Кем спорить, Кого свергать? Но атеист, будучи по определению материалистом, не может противостоять *идее* Бога, пустоте. Кому он будет возвращать свой билет (замечательна эта метафора Ивана как характеристика его материалистического мировосприятия)? Атеисту нужен Образ Божий, пусть даже для того только, чтобы Его разбить. Без Него все инвективы и обличения безадресны и бессмысленны. Поэма нужна Ивану для полноты его бунта. В жизни Ивана нет Образа Божия, и он Его сочиняет.

Однако безверие Ивана зашло слишком далеко. Никакие усилия не помогают ему увидеть Лик Спасителя. Как только Иван делает попытку приблизиться к образу Христа, он лишается всего своего искусства: он не может описать ничего из внешнего облика Христа (при этом находит множество верных слов для инквизитора), ни одной черты Его Лица, ограничиваясь лишь общими указаниями на улыбку «тихого сострадания» и жест благословения. Иван не может даже произнести имени Христа, называя своего персонажа с помощью местоимения и метонимического именованья «пленник». Христос, для него, если воспользоваться бунтарской формулой Розанова, «Темный Лик».

Отвечая на вопрос Алеши: «что это такое? <...> прямо ли безбрежная фантазия или какая-нибудь ошибка старика, какое-нибудь невозможное *qui pro quo?*» (14; 228), — Иван отшучивается: «Прими хоть последнее <...>, если уж тебя так разбаловал современный реализм и ты не можешь вынести ничего фантастического. <...> Это мог быть, наконец, просто бред, видение девяностолетнего старика перед смертью <...>. Но не все ли равно нам с тобою, что *qui pro quo*, что безбрежная фантазия? Тут дело в том только, что старику надо высказаться <...>» (14; 228). Да ведь и Ивану нужно высказаться. Но он лукавит, говоря, что ему все равно. На самом деле он страдает от отсутствия в нем образа Христа. Монолог Великого инквизитора — это, конечно, монолог самого Ивана, обращенный к незримому противнику. Именно незримому. Христос Ивану *ни в каком* видении *никогда* не являлся, как, напротив, явится ему впоследствии черт.

Иван свой монолог *всегда* вел наедине с самим собой. Ему *никто* не отвечал. Он создает Поэму, сочиняет Великого инквизитора только с тем, чтобы увидеть наконец своего Оппонента. Услышать Его ответ. Но он Его все равно не видит. И что может сказать ему его «безбрежная фантазия»? «Молчание Христа» в Поэме — это немота самого Ивана. Немота его сердца, его души.

Но Иван не намерен признаваться в этом. Свою духовную немощь он дерзко обращает в оружие. Молчание — знак согласия. Молчание Христа и Поэме, по мысли Ивана, это как бы признание верности слов инквизитора, их неоспоримости. «Да, Ты, может быть, это знаешь», — предваряет свой монолог инквизитор в «проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника» (14; 228), то есть как бы читая в Его лице и находя подтверждение своих слов. Получается, что Христу нечего возразить, Он бессилен перед правдой жизни, открывшейся старику инквизитору. То, что мысль Ивана изначально была таковой, ясно из обстоятельств разговора двух братьев. Свою Поэму Иван рассказывает Алеше именно как контраргумент на восклицание брата, что есть в мире Существо, которое «может все простить, всех и вся *и за все*, потому что само отдало неповинную кровь Свою за всех и за все» (14; 224). «А, это „Единый безгрешный“ и Его кровь! — парирует Иван. — Нет, не забыл о Нем и удивлялся, напротив, все время, как ты Его долго не выводишь, ибо обыкновенно в спорах все ваши Его выставляют прежде всего. Знаешь, Алеша, ты не смейся, я когда-то сочинил поэму, с год назад. Если можешь потерять со мной еще минут десять, то я б ее тебе рассказал?» (14; 224). Поэма, таким образом, заготовлена как свидетельство против Христа. Его обвинение — в Его молчании-признании.

Ивану, только что вернувшему Творцу свой билет на вход в царство мировой гармонии, необходимо доказать, что ни у кого нет убедительных и веских возражений его правоте. В том числе и у Христа. Христу тоже нечего сказать. Его Христу. Придуманному в часы удушливого одиночества. Угрюмым эвклидовым умом атеиста. По наблюдению Романо Гуардини, Христос Ивана — «это Христос, лишенный всех и всяческих связей, Христос сам по Себе. Он не представляет ни Отца в мире, ни мир перед Отцом. Он не любит мир таким, каков он есть, и не ведет его за Собой к вечному обиталищу. Он — не Посланник и не Спаситель. Он — не посредник между истинным Отцом на небесах и реальным человеком. Он не занимает, собственно, никакой позиции»¹¹. Более того, *Христос Ивана лишен Креста*. О Евангельских днях Христа Иван говорит словами более, чем кощунственными: «ходил три года между людьми пятнадцать веков назад» (14; 226). В Поэме Бог не приносил в жертву Сына во искупление грехов человеческих. Напротив, это человечество «жаждет пострадать и умереть за Него, как и прежде» (14; 226). Иван совершает чудовищную подмену, не случайно Алеша почувствовал во всей этой истории некое

¹¹ Гуардини Р. Человек и вера. Брюссель, 1994. С. 134.

«qui pro quo». Ведь он-то именно и указывал Ивану на Крест, а Христос Ивана «не дожил» до Страстной Недели и Воскресения, должно быть тоже вышел «на темные стогна града» и рассеялся в «неведомость». Такому Христу, действительно, нечего сказать. Да это и вправду, не Христос, а «пленник», «узник» и не фантастического кардинала инквизитора, приказавшего ему молчать, а Ивана, запечатавшего ему уста.

Но чудо Поэмы в том и состоит, что она не замыкается одной авторской волей. «Главный, центральный тезис поэмы, ее метафизический эффект, ее главное событие состоит в том, что Пленник молчит, а Алеша говорит», — пишет Л. И. Сараскина.¹² И Поэма в пространстве романа не ограничена сознанием Ивана. У нее есть слушатель (Алеша) и читатель (всякий, кто взялся прочесть «Братьев Карамазовых»). И есть писатель, который свел их троих во времени и пространстве. И Христос-пленник Великого инквизитора — пленник Ивана Карамазова только до поры до времени. Замечательно, что первую же принципиальную поправку к Поэме, которая меняет все акценты и вносит ясность, Алеша делает сразу, дослушав монолог инквизитора до конца. Он *называет имя* пленника: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того» (14; 237). Как видим, этой же репликой Алеша отделяет замысел Ивана от самой Поэмы, которая еще не завершена и продолжает обретать форму и смысл. Произнеся имя Пленника, Алеша восстановил полноту Образа во всей его евангельской силе, и теперь Его молчание обретает новое качество. Это уже не бессильная немота, это говорящее безмолвие неоспоримой Истины. Пленник Ивана должен был признать вердикт инквизитора и сгореть на костре. Став в интерпретации Алеши Иисусом, он опроверг эвклидову диалектику Ивана и безмолвным поцелуем разрушил запоры темницы, доказав Ивану, что есть такое Существо, Которое «может все простить, всех и вся *и за все*». Молчание пленника было в пользу Ивана, молчание Христа — его опровержением.

Но что побудило Алешу поверить в то, что персонаж Поэмы — Христос? Только ли уверения Ивана и те картины чудес, которые представлены в начале Поэмы? Почему бы не принять его за антихриста, ведь были же указания на то, что враг человечества будет являться в мир и смущать народы в облике Христовом. Иван об этом, между прочим, помнит и устами инквизитора оговаривается: «Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобие Его» (14; 228). А Алеша ни минуты не сомневается. Поэма убедила его. Или, говоря точнее, для Алеши, слушателя-соавтора, Поэма теряет всякий смысл, если Пленник — не Христос, а «только подобие Его». Иван, возможно, готов принять и «подобие». «Подобие» даже ему предпочтительнее. С «подобием» можно спорить и его не так страшно разоблачать. Но Алеша слишком верит в силу Христа, чтобы допустить возможность подмены перед лицом таких обвинений. И решающим аргументом в пользу того, что пленник Поэмы — это Христос,

¹² Сараскина Л. И. Указ. соч. С. 286.

является его безмолвие. Именно молчание пленника убеждает всех — Алешу, вслед за ним Ивана, и вместе с ним Великого инквизитора, что перед ними «Он, это Сам Он <...> это никто как Он» (14; 227), Иисус. Потому что только Христос, Сын Божий может быть адресатом речи инквизитора, и только Христос, Сын Божий может выслушать ее, не вступая в полемику. Любой другой не примет молча крест тех обвинений, которые выдвигает инквизитор, ибо они непосильны для смертного — ни для святого, ни для великого грешника. Они не по силам и антихристу, слишком гордому, чтобы молчать. Да антихрист бы и не попал в темницу — слуга бы признал своего хозяина.

Замечательно, что Алеша, «много раз пытавшийся перебить речь брата» (14; 237), все-таки сдержал себя и дал Ивану произнести всю речь инквизитора целиком, где-то на уровне подсознания угадав, что нерушимое молчание Пленника весомее всех его, Алешиных, возражений, что именно в нем концентрируется вся несокрушимая сила ответа и именно оно есть сущностная составляющая образа, который с каждым словом инквизитора обретает смысловую определенность и законченность. Сдержанность Алеши носит творческий характер, в ней заключается главная роль младшего Карамазова как соавтора Поэмы. Его молчание глубоко содержательно и — созидательно. Во время всего монолога инквизитора оно питалось верой Алеши в силу Христа, и эта вера аккумулировалась в образе Пленника, творила его по Образу и Подобию, жившему в сердце Алеши и проступавшему на лице юноши, в которое Иван неотрывно вглядывался, как вглядывался великий инквизитор в лицо Пленника. И если в начале своей импровизации Иван мог допустить, что все это бред умирающего старика инквизитора и образ пленника — лишь призрак, «безбрежная фантазия», то в финале в реальности Пленника Иисуса у Ивана нет никаких сомнений. Поцелуй призрака не может «гореть на сердце». А вот образ инквизитора развоплощается на глазах. И опять под точными словами Алеши: «Твой страдающий инквизитор одна фантазия...» И Иван соглашается: «Фантазия, говоришь ты, пусть! Конечно, фантазия» (14; 237). Начиная Поэму, Иван хотел убедить Алешу в том, что Христос — лишь фантазия, а реальность — в словах инквизитора, а закончил полным художественным признанием того, что реальность — Христос, а его великий инквизитор — фантазия.

Но как ни велико участие Ивана и Алеши в создании Поэмы, их основная роль в этом процессе — быть проводниками тех духовных энергий, которые пронизывают дела и мысли человеческие от самого начала земной истории. Как писал В.В.Розанов, «<...> лица перемешиваются перед нами, сквозя одно из-за другого, мы забываем говорящее лицо за Инквизитором, мы видим даже и не Инквизитора, перед нами стоит Злой Дух, с колеблющимся и туманным образом <...>»¹³. Но и не только. За лицом слушающего мы видим даже и не Пленника, а Лик Самого Спасителя,

¹³ Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 135.

внимающего искусительным словам Злого Духа. Поистине, здесь не просто «оригинальные русские мальчишки» (14; 213) сошлись, чтобы о «вековечных вопросах» говорить, здесь происходит та самая битва, о которой толковал Митя, — здесь «дьявол с Богом борется и поле битвы сердца людей» (14; 100), сердца Ивана и Алеши. Сердце Достоевского. Поэма в пространстве своего метафизического бытия — за пределами скотопригоньевского трактира, вне контекста «Братьев Карамазовых», над «горнилом сомнений» великого русского писателя, — в той действительности, где нет ни времени, ни пространства — есть еще одна попытка, еще одно испытание, еще одно — четвертое? — искушение Христа. Искушение свободой, данной Христом человечеству в евангельские дни. В делах, словах и помыслах Великого инквизитора, порожденных «безбрежной фантазией» Ивана, этого исчадия гения Достоевского, Злой Дух демонстрирует Спасителю тот размах духовного беспредела, которого достигло за девятнадцать веков человечество, осмеливающееся в его «фантастическом» лице повторить — и на этот раз уже сознательно — казнь Сына Божьего. И, испытывая Христа, Злой Дух ждет от Него Слова, Которое положит всему конец. Он жаждет этого Слова, он его провоцирует всеми возможными способами, ибо знает, что это Слово положит конец не только беспределу, но и Царству Христа, ибо это Слово будет означать конец свободы веры человека. Стоит Пленнику возразить инквизитору хоть однажды, как тут же инквизитор потеряет свою свободу, которую, несмотря на то что он пошел вслед за «страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия», он все еще сохраняет, о чем свидетельствует открытый финал Поэмы. В молчании Пленника — свобода и спасение инквизитора.

Иван обманывает сам себя, говоря, что «старик остается в прежней идее». Ничего подобного. «Прежняя идея» старика в самом кратком ее выражении звучала как приговор Пленнику: «Завтра сожгу Тебя» (14; 237). Но — «Пленник уходит» (14; 239). И выпустил Его сам инквизитор. По собственной воле. Значит, в нем зародилась уже иная идея, и не только зародилась, но и осуществилась.

Иван лучше других это видит, и стоящий за ним злой дух понимает, что вновь посрамлен, что воля Господня непоколебима и любовь Его к роду человеческому, в обличии Христа явленная, сильнее любых людских прегрешений.

Сильнее бунта.

Жарче «горнила сомнений».

Поистине, «Великий инквизитор» — произведение, дающее нам основание называть Достоевского именем пророка.